

Философия экономики

Paх Economіcana: геоэкономическая система мироустройства*

© А.И.Некlessа, 1999

Цивилизация Нового времени пребывает в состоянии системного кризиса и противоборства трех исторических тенденций: модернизации, постмодернизации и демодернизации. Прежние формы экономической деятельности, понимаемой как последовательные, конструктивные усилия по обустройству материальной сферы бытия, размываются стремительно растущим значением кредитно-денежных операций, фактически оторванных от производственной деятельности и товарных потоков, создавая крайне неравновесную ситуацию в глобальном масштабе. Геоэкономика преобразует прежнюю национально-государственную схему мироустройства в новый, геоэкономический континуум, основывающийся на иерархии различных видов экономической практики в рамках мирового разделения труда (финансово-правовое регулирование, производство интеллектуальных ресурсов, высокотехнологичное производство и т.п.)

Философия экономики – область знания, в современном мире оказавшаяся в весьма драматичном положении. Знамена времени – стремительная прагматизация, технологизация не обошли стороной и экономическую науку: все более заметно сужение ее предметного поля, в результате чего она начинает иной раз смотреться как некий специфический набор банковских прописей. Складывается впечатление, что реальная задача современной экономики лежит не столько в области фундаменталь-

ной науки, сколько в сфере универсальных технологий и стратегий поведения в условиях ограниченности и противоречивости нашего знания о глубинах экономического космоса. Этот дефицит особенно ощутим в переломные моменты истории, когда рушатся многие устоявшиеся парадигмы, и становится ясно, что экономика (наряду с политикой, идеологией) есть феномен культуры. Возможно, нынешнее состояние мирового хозяйства было бы лучше понято, откажись экономика от сознательных и

* Статья отражает предварительные результаты работы в рамках проекта РФФИ "Глобальное сообщество: изменение социальной парадигмы" (№97-06-80372).

подсознательных претензий на статус естественнонаучной дисциплины, вспомни она о своих гносеологических корнях, осознай себя вновь частью этики и политики, то есть сферы целеполагания и правил поведения. Иначе говоря – ведись обсуждение фундаментальных экономических проблем в интенсивном взаимодействии с актуальными философскими и культурологическими дискуссиями.

I. PAX ECONOMICANA

1.

Новый мир рождается на наших глазах. Существующая система интернациональных связей – этот всемирный концерт, основанный на межгосударственных отношениях и кодифицированный международным правом – пребывает в некотором замешательстве. *Zeitgeist* – дух времени малопомалу отходит от нее, перемещаясь к новому классу международных систем, к динамичным и изменчивым субъектам мирового хозяйства, чьи подвижные очертания, проходя в иной плоскости, не совпадают с государственными границами, да и взаимоотношения не определяются и тем паче не исчерпываются дипломатией на правительственном уровне.

Реально утверждающийся на планете порядок все отчетливее проявляет себя как порядок экономический – *Pax Economiana*. Глобальная экономика – это свершившаяся мировая революция нашего века, и она же становится повсеместно правящей системой. Подобное коренное изменение можно описать достаточно внятной формулой: если раньше мировая экономика была ареной, на которой действовали суверен-

ные государства, то теперь она – достаточно автономный персонаж, оперирующий на поле национальных государств. Однако появление уникального глобального субъекта не привело к одновременному удалению с поля прежних игроков. Возникла эклектичная реальность, более сложная и даже парадоксальная в своих проявлениях, сочетающая яркие и характерные черты старой и новой систем. При этом, естественно, происходит кардинальный сдвиг в привычных способах проекции власти.

Экономика меняет внутреннее содержание, ей уже тесно в рамках прежних смысловых конструкций. Она начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как доминирующая система управления обществом: как политика, и даже идеология наступающей эпохи, становясь, по сути, новой властной системой координат... В результате привычные геополитические императивы почтительно уступают место геэкономическим.

Силовые маневры эпохи уже не связаны ни с завоеванием территорий, ни даже с прямым подчинением экономического пространства противника. Они скорее нацелены на навязывание окружению своей политической воли и видения будущего, на установление и поддержание желаемой топологии мирохозяйственных связей, на достижение стратегических горизонтов, определяемых геэкономической конкуренцией, на упрочение либо подрыв той или иной системы социально-экономических ориентаций...

Столкновение стилей и форм хозяйствования, соперничество основных центров мирового развития, социальные и финансовые коллизии, непростые взаимоотношения между региональными сообществами –

все это драматичные игры нашего времени, которые сводят использование военной силы более к угрозам ее применения и к рамочной демонстрации возможностей, нежели к полномасштабной реализации боевой мощи. Но параллельно в мире разворачиваются нешуточные, хотя зачастую и невидимые геоэкономические битвы, в ходе которых на планете складывается новая реальность, другое мироустройство.

Что же такое нынешний глобальный мир, формирующееся транснациональное сообщество, глобальная экономика? Ответы на все эти вопросы далеко не столь элементарны, каковыми они представляются на первый взгляд. Распространенные толкования и трактовки глобализации нередко являются своего рода *fables convenues* (небылица, по соглашению признаваемая за истину). Однако ни транснациональное сообщество, ни глобальная экономика, очевидно, не есть некое универсальное предприятие всего объединенного человечества. В мире сейчас возникает нечто существенно иное, чем просто единый хозяйственный организм планеты.

2.

В рассуждениях на тему глобализации вообще и глобальной экономики в частности присутствует все же немало расхожих штампов, которые не вполне подтверждаются статистикой уходящего века, а иной раз прямо противоречат ей, т. е. по существу являются мифами. Это касается, например, якобы последовательного увеличения внешнеторгового оборота по отношению к производству, опережающего рост ВВП вывоза капитала в XX веке. На самом же деле процессы и глобализации, и диссоциа-

ции носят отнюдь не линейный характер, косвенно свидетельствуя о реальной сложности мира и неоднозначности процессов, в нем происходящих.

Социальная организация эпохи Нового времени, судя по всему, достигла своей вершины, глобализации – хотя это определение и не получило в те годы распространения – где-то перед первой мировой войной. (К тому моменту планету поделили также границы транснациональных империй, в которых "никогда не заходило солнце".) Затем – на протяжении всего "последнего" столетия – человечество было ввергнуто в пучину конкурирующих версий нового мироустройства: российской, германской, американской... И, заодно, – яростного состязания мировых идеологий.

Удельный же вес внешнеторгового оборота, и доля вывоза капитала, о которых упоминалось выше, также достигли своего максимума непосредственно перед первой мировой войной. Затем динамика этих показателей шла по синусоиде, дважды снижаясь после мировых войн, вновь достигнув прежнего высокого уровня лишь в середине текущего десятилетия, когда тема глобализации, кажется, обрела второе дыхание. Однако начало и конец нынешнего столетия – различные вселенные... Нынешняя глобализация – это, пожалуй, совсем иная историческая модель: вместо гаснущей идеи универсальной христианской цивилизации – проект глобального (планетарного) присутствия современных центров силы, их выраженное намерение управлять развитием всего мира.

Интернационализация производственных и торговых транзакций сейчас в значительной мере связана с особым феноменом – миром ТНК и операциями, осуществляе-

мыми между их филиалами. На сегодняшний день число подобных корпораций превысило 53 тысячи, численность их дочерних филиалов – 450 тысяч. Появляется и новый класс ТНК – мультикультурные, глобальные... Параллельно, в среде национальных экономик происходит сложный и многогранный процесс образования социально-экономических коалиций и союзов. (Тут невольно вспоминается бывшее разграничение карты мира пунктирами колониальных империй, а затем – военно-политических блоков). Так что реально протекающий сейчас процесс обустройства планеты, похоже, с не меньшими основаниями можно определить как "новый регионализм" или "новый региональный порядок", то есть формирование макрорегиональных геоэкономических пространств на фоне социально-экономического расслоения мира.

Действительно, статистические данные о "сближении народов планеты" в этих – социально-экономических – категориях просто убийственны. За последние десятилетия соотношение уровней доходов богатых и бедных, "золотого" и нищего миллиардов планеты не только не сократилось, но заметно увеличилось: с 13:1 в 1960 г. до 60:1. А ведь по сравнению с серединой столетия совокупный объем потребления, судя по тем же оценкам ООН, вырос приблизительно в 6 раз. Однако 86% его приходится сейчас на 1/5 часть населения, на остальные же 4/5 – оставшиеся 14%. Но и в этих цифрах отражена не вся истина. Доля мирового дохода, находящаяся в распоряжении беднейшей части человечества (а в настоящее время примерно 1,3 млрд. людей живут в условиях абсолютной нищеты), еще на порядок ниже, составляя лишь около 1,5%. Таким

образом, в мире помимо североатлантической витрины цивилизации сопричастствует ее гораздо менее заметный темный двойник: "четвертый", зазеркальный мир, населенный голодным миллиардом.

На планете, судя по всему, происходит не столько социально-экономическая конвергенция (коррелянтом которой могло бы служить политическое и социальное единение глобального сообщества, чего также не наблюдается), сколько унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства... И венчает этот процесс наиболее впечатляющее проявление нынешней глобализации, ее главный образ и символ – мировая коммуникационная сеть.

В целом же развитие механизмов стратегического планирования и контроля за ситуацией на планете, эффективно обоснованное глобальными вызовами и угрозами, вставшими перед цивилизацией во второй половине XX века, сформировало систему глобального хозяйственного управления (высоких геоэкономических технологий): не только ресурсами планеты, но также и всей экономической деятельностью на ней, распределением и перераспределением совокупного мирового дохода и т.п. Понятно, что цели и методы подобной структуры не могут ограничиваться лишь хозяйственной сферой¹.

И еще одно более чем актуальное пространство, где "никогда не заходит солнце", сложилось к концу столетия. Это – глобальный финансовый рынок, темпы роста которого сейчас в несколько раз превышают скорость увеличения мировой торговли и дивергенции производства (чьи нужды международные финансовые

транзакции вроде бы призваны обслуживать)². Пространство, где интенсивно развиваются собственные высокие технологии, разработке которых человеческий гений, кажется, отдает в последние десятилетия гораздо больше умов, усилий и энергии, нежели другим видам интеллектуального творчества.

Все это вместе взятое очерчивает контур принципиально новой по отношению к началу века мировой ситуации, знаменуя наступление какой-то другой глобализации, имеющей принципиально иной генезис. Чтобы понять происходящее, нужно пристальнее взглянуть в ту мировоззренческую революцию, свидетелями и участниками которой мы являемся.

II. КОНЕЦ НОВОГО ВРЕМЕНИ

1.

Рождающееся у нас на глазах экономическое мироустройство зиждется на глубинных тенденциях глобального развития, на радикальной революции в области мировоззрения. В сумбурной на первый взгляд реальности наших дней можно выделить три основные конкурирующие версии развития человеческого универсума, три крупноформатных проекта обустройства планеты.

Основной социальный замысел, развивавшийся на протяжении последних двух тысяч лет и фактически предопределивший современное нам мироустройство, – проект Большого Модерна был органично связан с христианской культурой. Отринув полифонию традиционного мира и последовательно реализуя евроцентричную (а впоследствии – североцентричную) конфигурацию

глобальной Ойкумены, он заложил основы западной или североатлантической цивилизации, доминирующей ныне на планете.

Его историческая цель (или, по крайней мере, цель его последнего этапа – эпохи Нового времени) – построение универсального сообщества, основанного на постулатах свободы личности, демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения "священного принципа" частной собственности и рыночной модели индустриальной экономики. Его логическая вершина – вселенское содружество национальных организмов, их объединение в рамках гомогенной социальной конструкции: глобального гражданского общества, находящегося под эгидой коллективного межгосударственного центра. Подобный ареопаг, постепенно перенимая функции национальных правительств, преобразовывал бы их в дальнейшем в своего рода региональные администрации.

Частично реализуясь, грандиозный замысел сталкивается, однако, со все большими трудностями (прежде всего – из-за фундаментальной культурной неоднородности мира и резкого экономического неравенства на планете) в наши дни, кажется, он достиг каких-то качественных пределов, претерпевая одновременно серьезную трансформацию. Так, система демократического управления обществом, распространяясь по планете, не только в ряде регионов существенно видоизменяет свой облик, но и заметно модифицирует внутреннее содержание.

История XX века – это также последовательный ряд событий, разводящих модернизацию мира и экспансию христианской культуры, лежащую в ее основе, уси-

ливая их взаимное отчуждение. Христианская цивилизация, становясь глобальной, вмещала и объединяла все более многочисленные, разнообразные культурные и религиозные меньшинства. В то же время она испытывала растущие неудобства при декларировании собственной исключительности, и даже просто подтверждая свою идентичность. В сущности, сколь странным это ни покажется, христианское общество (затрудняясь поддерживать должный баланс между обществом духовным и гражданским, целями метафизическими и политическими) подверглось более чем парадоксальной культурной агрессии именно вследствие своего доминирующего положения.

В ходе нарастающей прагматизации общественного сознания происходит перерождение долговременной тенденции секуляризации западного сообщества в фактическую дехристианизацию его социальной ткани, влекущую за собой коррозию и распад основ двухтысячелетней цивилизации. Кроме того, становится все более очевидным расхождение основополагающих для западного социума векторов политической демократизации и экономической либерализации, особенно заметное на глобальных просторах. Модернизация явно утрачивает ранее присущую ей симфонию культуры и цивилизации.

2.

Феномен Модерна (уже претерпев серьезную трансформацию внутри североатлантического ареала) был по-своему воспринят и переплавлен в недрах неотрадиционных обществ, в ряде случаев полностью отринувших его культурные корни и исторические замыслы, но при этом вполне

воспринявших внешнюю оболочку современности, ее поступательный цивилизационный импульс. Духовный кризис современной цивилизации привел к расщеплению процессов модернизации и вестернизации на обширных пространствах Третьего мира. В результате, во второй половине XX века традиционная периферия евроцентричного универсума породила ответную цивилизационную волну, реализовав повторную встречу, а затем и синтез поднимающегося Нового Востока с секулярным Западом, утрачивающим свой привычный культурный горизонт.

Роли основных персонажей исторической драмы как бы перевернулись: теперь, кажется, Запад защищает сословность, а Восток распространяет гомогенность. Культура христианской Ойкумены, все более смещаясь в сторону вполне земных, материальных, человеческих ценностей, столкнулась с рационализмом и практичностью неотрадиционного общества, успешно оседлавшего к этому времени блуждающую по миру волну утилитарности и прагматизма. Первые плоды глобализации имеют странный синтетический привкус, а порожденные ею конструкции, являясь универсальной инфраструктурой, подчас напоминают мегаломаническую ирригационную систему, чьи каналы обеспечивают растекание по планете уплощенной информации и суррогата новой массовой культуры. В результате распространение идеалов свободы и демократии нередко подменяется экспансией энтропийных, понижающихся стандартов в различных сферах жизни, затрагивая при этом не только культурные, но и социально-экономические реалии. Такие, например, как предпринимательская этика, или общее качество жизни.

Рожденная на финише второго тысячелетия неравновесная, эклектичная и в значительной мере космополитичная конструкция глобального Рах Есопотісана есть, таким образом, продукт постмодернизационных усилий и совместного творчества всех актуальных персонажей современного мира. Культурно-исторический геном эпохи социального Постмодерна утверждает сейчас на планете собственный исторический ландшафт, политико-правовые и социально-экономические реалии которого заметно отличны от аналогичных институтов общества Модерна. Постмодернизационный синтез (объединяющий на новой основе мировой Север с мировым Югом) выводит прежние "большие смыслы" – в виде ли развернутых политических, или идеологических конструкций – за пределы актуального исторического контекста. Несостоявшееся социальное единение планеты на практике замещается ее хозяйственной унификацией. А место мирового правительства, действующего на основе принципа объединения наций, фактически занимает безликая (или просто анонимная) экономическая власть. Сегодня в лоне мирового сообщества фактически происходит вызревание безбрежного наднационального неэкономического континуума, объединяющего на основе универсального языка прагматики светские и посттрадиционные культуры различных регионов планеты.

3.

Наконец, все более заметны признаки демодернизации отдельных частей человеческого сообщества, пробуждения комплексных процессов социальной и культурной инверсии, ставящих под сомнение сам принцип нового мирового порядка, форми-

руя своеобразную "обратную" историческую перспективу – подвижный и зыбкий контур новой мировой анархии. Так, мы наблюдаем разнообразные, хотя и не всегда вычтенные признаки социальной деконструкции и культурной энтропии в рамках мирового Севера. Под внешне цивилизованной оболочкой здесь в ряде случаев утверждаются паразитарные механизмы, противоречащие самому духу эпохи Нового времени, рождая соответствующие масштабные стратегии и технологии, например, – в валютно-финансовой сфере.

Параллельно механизмы цивилизационной коррупции – в сущности той же природы – шаг за шагом разъедают упорядоченный социальный контекст как в кризисных районах посткоммунистического мира, так и мирового Юга. В результате на планете возникает непростой феномен Глубокого Юга, объединяющий в единое целое и трансрегиональную неокриминальную индустрию, и "трофейную экономику" новых независимых государств, и прямой очаговый распад цивилизации (ярким примером чему могут служить Афганистан, Чечня, Таджикистан, некоторые африканские территории, разнообразные "золотые земли" и т.д.).

Процессы демодернизации – это также второе дыхание духовных традиций и течений, отодвинутых в свое время в тень ценностями и реалиями общества Модерна, взглядов и воззрений, иной раз прямо антагонистичны к культурным основам, нормам, устремлениям Нового времени. Они выходят сейчас на поверхность то в виде разнообразных неязыческих концептов, плотно насытивших культурное пространство западного мира, то как феномен возрождения и прорыва фундаменталистских

моделей (а равно и соответствующих политических схем) на обширных просторах бывшей мировой периферии.

Демодернизация не является магистральным направлением социального развития, но она, пожалуй, уже и не просто аморфная смесь разрозненных явлений преимущественного маргинального характера. Скорее всего, это многозначительная комплементарная тенденция формирующегося универсума. В данной тенденции, однако, чувствуется энергичный импульс, прослеживается нарастающая вероятность принудительного наступления некоего момента истины цивилизации, ее критического "пикового переживания" (особенно в случае масштабных социальных, финансово-экономических или экологических потрясений). И, не исключено, поворота истории – утверждения на планете какой-то самостоятельной неоархаичной культуры, уже сейчас в тех или иных полускрытых формах пронизывающей подобно метастазам плоть современного общества, фактически лишённого собственной значимой социальной перспективы.

Столкновение всех этих могучих волн порождает в итоге единый синтетический коллаж Нового мира.

III. ФИНАНСОВЫЕ ИГРЫ НА ГЛОБАЛЬНОМ ПОЛЕ

1.

Кардинальное воздействие на судьбы современной экономики и цивилизации оказывает энергичная и призрачная неэкономика финансов. Ее генезис теснейшим образом связан с реализацией транснацио-

нальных схем координации и управления мировым хозяйством, лавинообразной глобализацией деятельности банковского сообщества, появлением феномена оффшорных зон и огромных массивов "беспризорных денег" (или на профессиональном языке – "евродолларов"). И, наконец, – рождением нового поколения экономических игр: масштабных финансовых технологий, ставших возможными во многом благодаря революции в области информатики.

Финансовая глобализация - это одновременно жизненная субстанция и интегральный символ "Глобализации-2", здесь сошлись воедино экономическая интеграция, повсеместная информатизация и глобальная коммуникация. Здесь же проявился и дух нового универсализма, заменившего проект универсального гражданского общества идеей глобального планирования и контроля за перераспределением ресурсов.

Новое информационное пространство позволило эффективно объединить географически разноликий мир в единое целое, осуществлять глобальный мониторинг экономической деятельности, контроль над нею. При этом интенсивно развивавшаяся отрасль информационно-коммуникационных услуг быстро превратилась в самостоятельный сегмент мирового хозяйства, часть постиндустриальной сферы, растущую едва ли не самыми бурными темпами. Действительно, если привычные виды промышленного производства, имеющие дело с материальными объектами, оказались в тисках "пределов роста", то горизонты виртуальной реальности стали своего рода дальним рубежом цивилизации, вполне свободным от подобных ограничений.

Становление финансовой неэкономике тесно связано также с проявившимся в

начале 70-х годов фатальным кризисом бреттонвудской системы, совпавшим с информационной революцией и приведшим к стремительной виртуализации денег, прогрессирующему росту всего семейства финансовых инструментов. В результате мир финансов стал практически самостоятельным, автономным космосом, утратив прямую зависимость от физической реальности (что нашло свое выражение в отказе от рудиментов золотого стандарта, то есть самого принципа материального обеспечения совокупной денежной массы).

Пороговым событием явился отказ США в августе 1971 г. от золотого обеспечения своей валюты. После устранения формальной связи доллара с золотом рыночная цена последнего поднялась за короткий срок на порядок и произошло это в условиях роста добычи желтого металла с применением современных технических средств.

Новая финансовая реальность оказалась необычайно эффективной и жизнеспособной именно в условиях технологизации, компьютеризации и либерализации валютно-финансовой деятельности, раскрепощенной как в национальных границах, так и на обозначившихся просторах транснационального мира. Быстрое развитие микропроцессорной техники, цифровых технологий, телекоммуникаций создавало необходимую информационную среду, способную координировать события и действия в масштабе планеты в режиме реального времени, оперативно производить многообразные платежи и расчеты и мгновенно перемещать их результаты в форме "электронных денег", стимулируя, таким образом, интенсивный рост новой глобальной субкультуры – финансовой цивилизации.

2.

К концу XX века на планете уже сформировалось вполне самостоятельное номинальное поле разнообразных валютно-финансовых операций, не только все более расходящихся на практике с потребностями и нуждами реальной экономики, ее возможностями, объемом, но подвергающих дальнейшее развитие общества, а, возможно, и само его существование серьезной опасности. Новая экономическая эра открыла шлюзы, сдерживавшие развитие откровенно спекулятивных тенденций. Быстрыми темпами стала расти хищническая квазиэкономика, паразитирующая на новых реалиях и имеющая мало общего с конструктивным духом экономической практики Нового времени.

Создается впечатление, что в мире происходит постепенное, но постоянное вытеснение идеологии честного труда альтернативной ей идеологией финансового успеха. Деморализация экономических отношений – явление весьма тревожное, влекущее за собой массу серьезных последствий. Еще Аристотель рассматривал экономику как часть этики. Не исключено, что тотально аморальная экономика в длительной перспективе по-просту невозможна.

Экономика не есть некая универсальная технология, действенная на все времена и для всех народов, но – хотя это далеко не всегда очевидно – весьма и весьма специфичный феномен культуры. В наметившемся расщеплении социальных и финансово-экономических целей общества можно, кстати, усмотреть определенную историческую преемственность со времен Великой депрессии, реализовавшей массовое уничтожение продуктов хозяйственной деятельности человека ради достижения финансовой выгоды.

Глобализация финансовой деятельности вкупе с негативными последствиями коррупции при относительной слабости институциональной и правовой среды в масштабе планеты позволяет преодолевать ряд законодательных ограничений и норм, существующих в пределах национальных границ. На карте мира на протяжении последних десятилетий появляются как бы условные государства: терминалы транснациональных организаций, наподобие оффшорных зон, чье истинное предназначение нередко – реализация разнообразных схем лукавой экономической практики, включая весьма асоциальные комбинации.

Одновременно за последние десятилетия было разыграно несколько вполне легальных, даже как бы "официальных" стратегических валютных и финансовых комбинаций, последовательно поднимавших ставки в глобальном казино. Один за другим возникали многоходовые, долгосрочные масштабные "игры взрослых детей".

3.

В 90-е годы уже сама кризисность мира, кажется, становится одним из парадоксальных источников дохода. Выражается это в разрастании комплексной экономики управления рисками, хеджировании, появлении инновационных форм страхования, реализации изоциренных схем валютно-финансовых спекуляций и интервенций, развитии финансовой математики, целенаправленном провоцировании финансово-экономических пертурбаций... В результате в смысловом поле мировой экономики, параллельно двум столь значимым для нее реалиям мировой резервной валюты и глобального долга, кажется, сформировался

третий, самостоятельный, весьма внушительный феномен глобального риска.

Заодно прорисовываются другие впечатляющие перспективы: например, столкновения различных финансовых инструментов в борьбе за многомерное Lebensraum (жизненные пространства) геоэкономических континентов и электронных сетей.

Все это, вместе взятое, постепенно лишает деньги их прежнего содержания (и в каком-то смысле реального наполнения), превращая в род особой, энергичной и агрессивной финансовой информации.

В настоящее время ежегодный объем мировых финансовых транзакций оценивается астрономической суммой порядка полуквадриллиона долларов, что создает ситуацию кредитного риска в глобальном масштабе, чреватую общесистемным кризисом. Происходит также бурный рост рынка вторичных ценных бумаг, суммарный объем которых стремительно пересек отметку в 100 трлн. долларов³. Летом 1997 года влиятельнейший Банк международных расчетов (BIS) опубликовал свой ежегодный отчет, в котором впервые констатировал реальный характер угрозы срыва мировой банковской системы, ее постепенного выхода за пределы действенного контроля и профессионального прогноза. Аналогичные опасения высказал затем весной 1998 года председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен, допустивший вероятность "системных нарушений (финансовой системы – А.Н.), превосходящих нашу способность понимания или возможности эффективного ответа".

Финансовый "кубик Рубика" постепенно объединяет сюжеты мировой валюты, глобального долга, а также управления рисками в единый взаимосвязанный ком-

плекс. Можно представить контуры нового вида глобальной игры – контролируемой деструкции или организованного хаоса, логически завершающей утверждение на планете особой, неоархаизированной среды, еще дальше отстоящей от прокламируемых идеалов мирового гражданского общества. Суть механизма – возможность искусственной организации и последующего использования развернутых кризисных ситуаций с целью повышения... уровня контроля над динамикой мировых процессов и устойчивостью сложной архитектуры геоэкономических пространств. Иначе говоря, успех данной стратегии создаст условия для перманентного внешнего управления самыми разнообразными экономическими массивами, а в перспективе – и всей социальной средой.

Клиентам, оказавшимся в сложном положении, предлагается универсальный свод правил – своего рода "кодекс должника" – предполагающий выполнение ряда обязательных условий для получения помощи по выходу из кризиса. Это могут быть, скажем, введение режима функционирования национальных денежных систем на основе внешней валюты (что придаст второе дыхание мировой резервной валюте и ее намечающимся конкурентам), определение квот и порядка заимствований финансовых ресурсов, установление жесткой взаимосвязи объемов национального бюджета, экспортной выручки, уровня внутреннего потребления и внешних выплат (продлевающих жизнь глобальной "долговой экономике"), осуществление обязательного страхования национальных и финансовых рисков (раздвигающих исторические рамки для применения второго поколения производных финансовых инструментов),

проведение заранее оговоренной социальной политики и т.п.

4.

Попробуем теперь обобщить вышесказанное и понять, логику происходящего.

Деграция модели расширенного воспроизводства Нового времени прошла несколько нисходящих ступеней. Вначале был соблазн сверхдоходов, получаемых за счет эксплуатации иных геоэкономических регионов и видов деятельности, искусно поставленных в подчиненное положение. Данный процесс, в свою очередь, стал питательной средой для различного рода финансовых операторов и развития соответствующих технологий, приведших к утверждению достаточно неожиданной "постиндустриальной" надстройки над привычной хозяйственной деятельностью – финансово-правовой (так и тянет сказать "крыши").

Метаморфоза денежной сферы в необъятный виртуальный континент способствовала развитию в ее недрах целого семейства изоцированных финансовых практик. По форме – более-менее легальных операций и инициатив, паразитирующих, однако, на результатах конструктивной деятельности человека, все отчетливее расходящихся с нуждами реальной экономики, разрушающих ее смысловое поле. Вплоть до откровенных спекулятивных атак и подрывных акций, имеющих целью получение дополнительной прибыли без производства реальной стоимости (как не создают ее, к примеру, азартные игры, хотя они способны и приносить доход, и перераспределять материальные ценности, а ведь здесь речь идет об "играх", основанных не на слепой случайности, а методично организуемых и управляемых, то есть в определенном смысле – шулерских).

Дальнейшим этапом становится смещение в серую, трудно контролируемую зону еще более сомнительных операций, нередко базирующихся на разночтениях в законодательствах различных территорий или общем несовершенстве правовой базы, с трудом поспевающей за стремительным разрастанием разношерстного семейства финансовых инструментов. Тут уже происходит фактическое смыкание полулегальных спекулятивных комбинаций с прямо криминальными действиями, "слипание" горячих денег и денег грязных...

Проявляется также (в качестве самостоятельного вида квазиэкономической активности) и такой род хозяйственного вампиризма как прямая деконструкция цивилизации, ведущее к инволюции расхищение ее плодов, наиболее подходящее название для которого, пожалуй, – "трофейная экономика".

Следующим логическим шагом в этой цепочке становится общий хаос, возникающий в результате завершения исторической мутации феномена экономики.

Некогда Новое время, освобождаясь от заскорузлой психологии "собирания богатств", формировало энергичную экономику, которая преобразовала, перестраивала мир, превращая золото, сокровища в деятельный капитал. И вот теперь капитал постепенно умяляет свою производственную составляющую, трансформируясь в квази-золото финансово-информационных потоков. Цели социального развития оказываются подчинены корыстным и, в общем-то,

конъюнктурным интересам финансовой олигархии. При этом финансовая неоэкономика, в конечном итоге, является таким же тупиком как военная промышленность и связанные с нею войны.

Происходящая ныне смена исторического регистра, изменение баланса сил не только освобождает скованного до поры виртуального джинна, но одновременно порождает химеричного неокриминального Голема, стремительно растущего и набирающего вес.

В последние годы происходит явное умножение сфер человеческой практики и рост числа территорий, прямо пораженных "трофейной" и криминальной активностью, сливающихся в единый феномен деструктивной квазиэкономики – более чем специфической хозяйственной сферы, подчиняющейся качественно иным, нежели легальная экономика, фундаментальным законам (фактически производя ущерб, то есть своего рода *отрицательную стоимость**) и уже сейчас vorочающей сотнями миллиардов долларов. Распечатываются и интенсивно эксплуатируются (в глобальном масштабе, с применением самых современных технических средств) запретные виды экономической практики: производство и распространение наркотиков, крупномасштабные хищения, рэкет, контрабанда, коррупция, казнокрадство, компьютерные аферы, торговля людьми, "дешевое" захоронение токсичных отходов, отмывание грязных и производство фальшивых денег, коммерческий терроризм и т. п.

Симптоматично, что некоторые из видов легальной сегодня деятельности, в

* Так, для данного класса человеческой деятельности представляется достаточно обоснованным введение категории "отрицательная стоимость", соответствующей *производству вреда*, т.е. причинению ущерба окружающей среде, техносфере и людям. Отчасти отрицательная "ценность" подобного рода активности уже учитывается в современных экономических отношениях, например, в виде наложения штрафов, повышенном налогообложении, судебных издержках, иных финансовых санкциях и т.п.

сущности той же природы (игорный бизнес, распространение порнографии и некоторые другие виды индустрии порока) и их коммерческий результат включается в подсчет ВВП соответствующих стран.

Происходит повсеместное упрощение, формализация цивилизации, словно в гигантской мясорубке перемалывающей свои достижения, приводящей многообразные проявления человеческого гения, его "цветущую сложность" к некоему единому знаменателю, ради составления бессмысленного по сути финансового реестра. А между тем, становится все труднее избавиться от впечатления, что утро XXI века постепенно застилает тень Второй великой депрессии, но на этот раз глобальной и, что более важно, выходящей за рамки собственно экономических неурядиц.

IV. НОВОЕ МИРОУСТРОЙСТВО

1.

Переплавленное в тигле интенсивного взаимодействия стран и народов новое мироустройство постепенно замещает прежнюю национально-государственную модель Ойкумены более сложным, полифоничным сочетанием геоекономических регионов. В рамках глобальной, но все же не универсальной экономики проступают контуры ее специализированных сегментов: самобытных "больших пространств", внутренняя мозаика которых объединена культурно-историческими кодами, общим стилем хозяйственной практики, социально-экономическими интересами и стратегическими замыслами⁴.

Эти мирыэкономики в ряде случаев разрывают географические рамки, объединяя

ведущих игроков той или иной лиги, невзирая на их гражданство и национальное происхождение. В результате над прежней национально-государственной схемой членения человеческого универсума все более отчетливо нависает внешняя оболочка "нового регионализма" и групповых коалиций.

Властная система координат сопрягает новые центры силы с ведущими персонажами прежней национально-государственной системы, чьи реальные границы в экономистичном универсуме уже сейчас заметно отличаются от привычно четких административно-государственных разграничительных линий. В переходной, дуалистичной конструкции глобального мироустройства сопрягаются, таким образом, два разных поколения властных субъектов: старые персонажи исторической драмы – национальные государства и новые – разнообразные сообщества-интегрии. Происходит кристаллизация и властных осей Нового мира, контур которых представлен разнообразными советами, комиссиями и клубами глобальных НПО (неправительственных организаций).

При этом система взаимоотношений внутри нарождающегося Рах Economісана заметно отличается от принципов организации международных систем уходящего в прошлое мира Нового времени. Финансово-правовое регулирование как, ключевой вид деятельности – отнюдь не "открытое акционерное общество", и не "организация объединенных наций", включающая все страны и планеты. Напротив, это подчеркнута обособленная, элитарная отрасль хозяйствования, доминирующий слой глобальной экономики, ее практически автономный верхний этаж, представленный узким кругом субъектов.

С реалиями данного космоса в наибольшей степени связаны, конечно же, Соединенные Штаты. Однако тут существуют достаточно серьезные противоречия. Расширяющийся интернациональный космос (естественная вотчина НПО и ТНК, но, прежде всего, – мир банковских и финансовых сетей), постепенно обретает все большую свободу во все менее поддающейся регулированию среде. И хотя этот метарегион все еще имеет определенную географическую привязку, системный центр, однако по самой своей специфике, сути, характеру деятельности он – транснационален. Проявляя собственное историческое целеполагание, виртуальный континент оперирует смыслами, способными вступить в конфликт с целями и ценностями всех земных регионов, включая материнский – североатлантический.

2.

Конец XX столетия – окончание периода биполярной определенности и ясности глобальной игры на шахматной доске ялтинско-хельсинского "позолоченного мира". В результате громких и широко известных событий оказалась сломанной не только привычная ось Запад-Восток – становится достоянием прошлого также обманчивая простота конструкции Север-Юг. Правда, можно сказать еще точнее: оси эти не сломались, а расщепились.

Модель нового мироустройства носит, по сути, гексагональный, шестигранный характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (конечно, отнюдь не на равных – и в этом смысле она однополярна) такие регионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и "Южный", расположенный преимущест-

венно в районе индоокеанской дуги, а также два транснациональных пространства, далеко выходящих за рамки привычной географической картографии.

Раскалывается на разнородные части знакомый нам Север. Его особенностью, основным нервом становится штабная экономика Нового Севера. С той или иной мерой эффективности она сейчас определяет действующие на планете правила игры, регулирует контекст экономических операций, взимая, таким образом, с мировой экономики весьма специфическую ренту.

Теснейшим образом связана с транснациональным континентом и спекулятивная, фантомная постэкономика квази-Севера, извлекающая прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающая странную, турбулентную устойчивость.

Не менее яркой характеристикой северного ареала является впечатляющий результат интенсивной индустриализации эпохи Нового и новейшего времени – то есть геоэкономический Запад. Здесь создано особое национальное богатство: развитая социальная, административная и промышленная инфраструктура, обеспечивающая создание сложных, наукоемких, оригинальных изделий и образцов (своего рода "высокотехнологичный Версаче"), значительная часть которых затем тиражируется – отчасти в процессе экспорта капитала – в других регионах планеты.

Географически данные пространства пока еще во многом "сшиты", однако их стратегическое целеполагание и исторические замыслы уже заметно разнятся, а кое в чем и противоречат друг другу. Тут скрыта подоплека многих непростых и актуальных сюжетов. Интересен, например, внутренний, геоэкономический смысл продвиже-

ния НАТО на Восток, дающего шанс высокотехнологичной промышленности Запада, испытывающей в настоящее время серьезные затруднения, обрести второе дыхание, обеспечив себя "фронтом работы" порядка 100-120 млрд. долларов.

И, наконец, новой геостратегической реальностью стал находящийся в переходном, хаотизированном состоянии постсоветский мир, похоронив под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти – прежний Восток. Как ни обозначай "сухопутный океан" Евразии: Российская империя или СССР, СНГ или новые независимые государства – это, безусловно, своеобразная мир-экономика, во многом еще непознанная *terra incognita*. Ее полифоничный организм, придя в хаотичное движение на рубеже тысячелетий, пребывает сейчас в мучительных схватках, и, не исключено, – готовится предьявить миру в наступающем веке идущий из глубины социальных разломов и общественных трансформаций некий доселе неведомый "русский проект".

Очевидно утратил единство также мировой Юг, бывший Третий мир, представленный сегодня несколькими автономными пространствами. Так, массовое производство как системообразующий фактор (в геоэкономическом смысле) постепенно перемещается из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский. Здесь, на необъятных просторах Большого тихоокеанского кольца (включающего и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан-Латинская Америка) формируется второе промышленное пространство планеты – Новый Восток, в каком-то смысле пришедший на смену коммунистической цивилизации, заполняя образовавшийся с ее распадом биоплярный вакуум.

Добыча сырьевых ресурсов – это по-прежнему специфика стран Юга (во многом мусульманских или со значительной частью мусульманского населения), расположенных большей частью в районе Индоокеанской дуги. Будучи кровно заинтересованы в пересмотре существующей системы распределения природной ренты, члены этого геоэкономического макрорегиона терпеливо ожидают своего часа, медленно, очень медленно, но все же приближающегося по мере исчерпания существующих запасов природных ресурсов. Либо – внезапного, скачкообразного развития иной благоприятной для производителей сырья стратегической ситуации. В долговременной перспективе Юг стремится также к установлению нового экологического порядка, солидаризируясь с государствами планеты, хотя и лишенными крупных запасов природных ископаемых, однако обладающими мощным биосферным потенциалом.

На задворках цивилизации формируется – архипелаг территорий, постепенно превращающийся в самостоятельный стратегический пояс Нового мира – Глубокий Юг, пораженный вирусом социального хаоса. Это как бы "опрокинутый" транснациональный мир, чье бытие определено теневой глобализацией асоциальных и прямо криминальных тенденций различной этиологии. Достаточно упомянуть всего два факта, чтобы отнестись к проблеме серьезно: беспрецедентное разграбление в рамках "трофейной экономики" постсоветского пространства и ежегодный оборот наркокартелей оцениваемый специалистами в 300-500 млрд. долларов.

При этом Глубокий Юг в своих откровенно асоциальных проявлениях фактически смыкается с финансовой эквилибристикой квази-Севера, вкупе с ним порождая

единое эклектичное пространство, существующее за счет весьма своеобразной цивилизационной ренты – планомерного расширения национального богатства, созданного трудом многих поколений людей. В результате оптимистичные схемы постиндустриального сообщества выглядят весьма поблекшими. А в ряде случаев они уступают место неприглядной реальности цивилизационного регресса и деиндустриализации, "сужающегося воспроизводства" – этого грозного симптома надвигающегося на планету глобального кризиса. На земном шаре можно насчитать примерно три десятка территорий, где утверждается повседневно перманентных конфликтов и отчаяния, происходит распад политических, экономических и правовых институтов, разрушается сама основа стабильной организации общества.

Современная экономика равно как и политическое мироустройство переживает сейчас глубокую внутреннюю мутацию. Под прежним названием формируется некий новый феномен, квинтэссенцией которого становится инволюционный путь от капитала к ренте, от классического индустриального хозяйства к извлечению сверхприбыли в виде разнообразных геоэкономических рентных платежей.

Мировая экономика, смыкаясь с современным мироустройством, начинает походить на известный многоярусный "китайский шар", внешняя оболочка которого – транснациональный метарегион, существующий за счет организации глобального рынка, взимаемая с мирового хозяйства своего рода скрытый налог, дань, определяющая правила игры, форсированно развивая одни отрасли и "гася" другие, наконец, активно внедряя виртуальные схемы неэкономической практи-

ки, извлекая прибыль из утонченных форм кредита и управления рисками.

Словно знаменитая лента Мёбиуса, эта внешняя оболочка плавно переходит в собственную трансрегиональную "изнанку", получающую свою "черную" ренту на путях прямого присвоения и проедания ресурсов цивилизации. Внутри же шара в той или иной последовательности располагаются другие геоэкономические миры-пространства: специализирующиеся на перераспределении горной или биосферной ренты, на ренте инновационной и технологической в ее различных модификациях...

3.

Эти рождающиеся из пены и крови XX века миры – субъекты нового геоэкономического мироустройства.

На планете идет интенсивное состязание различных по духу и смыслу геоэкономических концептов:

- нового мирового порядка, организующего сложную систему планомерного распределения и перераспределения жизненно важных ресурсов планеты, видов экономической деятельности и совокупного мирового дохода;
- неконтролируемого развития ("невидимая рука рынка"), перерастающего в неолиберальную метафизику, связанную с сетевым характером кредитно-денежных трансакций, призрачными табунами "горячих денег" и субъективными интересами финансовых операторов во все более стохастичном, спонтанном, сверхоткрытом мире виртуальной реальности;
- паллиативной структурной перестройки, то есть адаптации различных сегментов мировой экономики к нуждам глобального рынка в рамках его североцент-

ричной конфигурации (по данному пути пошли большая часть стран Африки и Латинской Америки, а также постсоветской Евразии, включая Россию);

- формирующейся концепции неосоциального устойчивого развития, сопрягающей экономическую деятельность с императивом решения ряда назревших экологических и социальных проблем, но несущей в себе также ядовитые семена "экофашизма".

Все это сосуществует с различными вариантами идеологии неопротекционизма, включая современные модификации идеи "большого пространства" в форме ли "нового регионализма" или дивелопментализма – специфической стратегии развития Восточной Азии и т.д.

Периодически возрождается к жизни (будучи одновременно связанной с интересами международного военнопромышленного комплекса) концептуалистика форсированного сверхразвития, делающего ставку на нанотехнический прорыв, поддержанный бюджетными вливаниями и всей мощью государственной машины, а также на творческие ресурсы цивилизации как центральный фактор современного производства.

Наконец, с повышением вероятности развития полномасштабного финансово-экономического кризиса вновь начинают обсуждаться разнообразные концепты активного госрегулирования, автаркии и мобилизационных схем управления.

Однако дальняя граница и высший предел стратегической мысли – это все же организация самого нового контекста – магистральное направление социального планирования, призванное обеспечить оптимальную преадаптацию к творимой реальности Нового мира.

Собственные цели преследует и темный двойник цивилизации, активно воплощающий проект демодернизации, последовательно извращая социальные и экономические механизмы, формируя благоприятную для себя среду, способную обеспечить беспрепятственную сверхэксплуатацию природы и деконструкцию цивилизации.

* * *

Таковы новые черты глобальной архитектуры. Она пока не является ни четкой, ни окончательно сформировавшейся, ни даже в каких-то своих частях непротиворечивой... В отличие от достаточно устойчивых границ привычной государственно-административной карты планеты очертания геоэкономического атласа мира носят зыбкий, несфокусированный и к тому же – учитывая параллельное бытие региональных и транснациональных пространств – трехмерный характер. Территории геоэкономических регионов взаимосвязаны и взаимозависимы. В условиях перманентно идущего здесь передела мира их "земли" меняют свою принадлежность, частично наплывая друг на друга, их внешние контуры подвижны, изменчивы. Далеко не всегда явственны различия между теми или иными членами Атлантического или Тихоокеанского миров, традиционного Юга и Глубокого Юга и т.п.

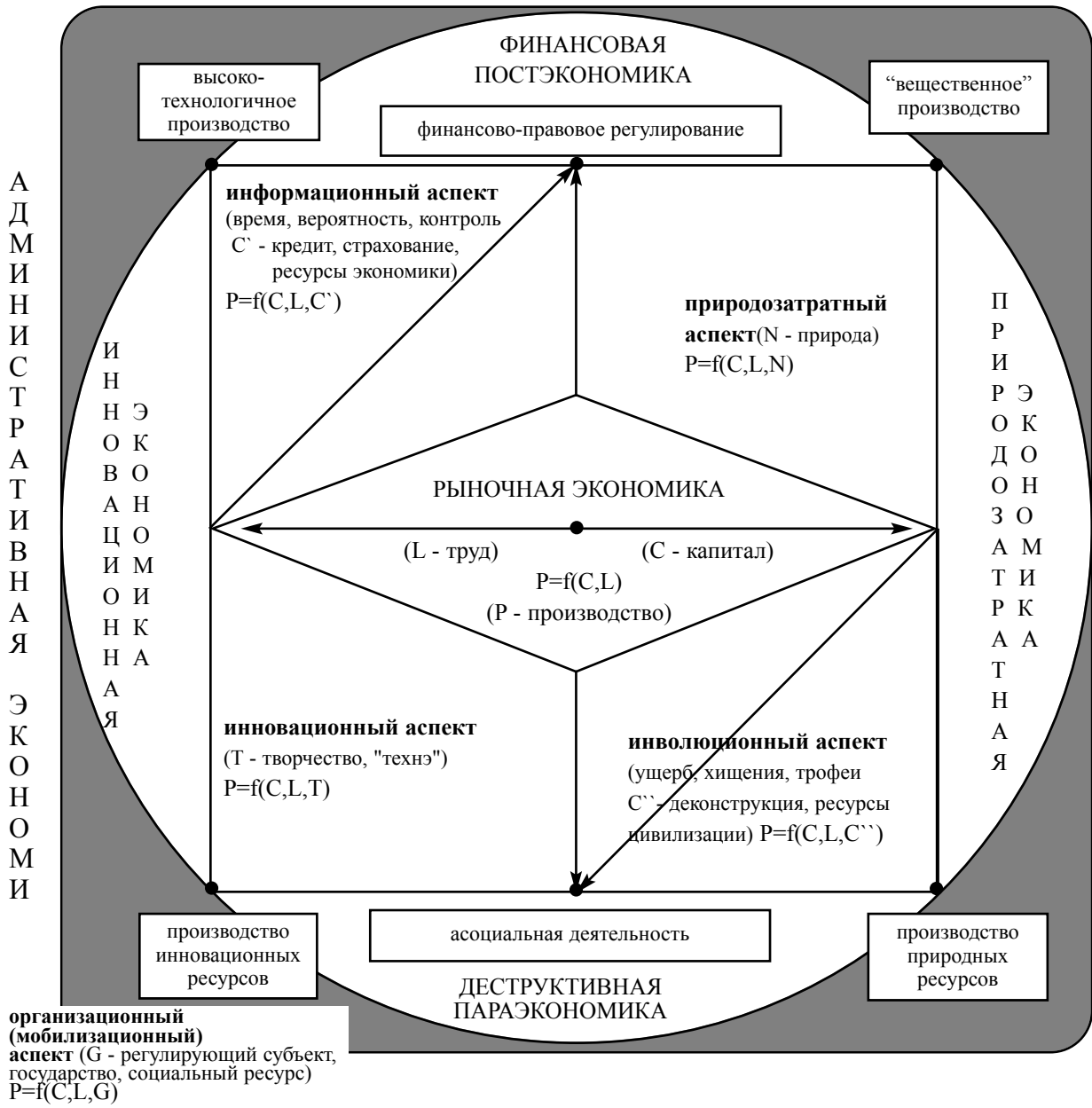
Не проявился окончательно и вектор развития большинства субъектов посткоммунистического мира. Мобилизационная, административная модель экономики, в целом покинув пределы данного "большого пространства", продолжает существовать на некоторых его частях и осколках, а также в латентных и неявных формах. Она же подчас стучится в дверь вместе с конструкти-

вистскими проектами будущего обустройства планеты, например, ориентированными на резкое обострение тех или иных глобальных проблем, вплоть до коллапса хозяйства в результате реализации радикальных сценариев развития мирового финансово-эко-

номического кризиса либо на плавный переход к системному, "административно-плановому" регулированию всего контекста глобальной рыночной экономики.

Rax Economіcana, новое геоэкономическое мироустройство человеческого универсу-

ЭКОМАТРИЦА

ма, все более заставляет считаться с собой, учитывать свою специфику при стратегическом анализе и планировании ближних и дальних горизонтов развития. Соперничество внутри нового поколения международных систем и исторических проектов уже сейчас является источником коллизий, по крайней мере, не менее значимых и судьбоносных, чем традиционные формы конфликтов между странами и народами планеты. В результате столкновения систем ценностей, жизненных приоритетов, планов желаемого мироустройства и схем взаимодействия геоэкономических регионов рождается Новый мир III тысячелетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ То, что мирохозяйственный контекст базируется на определенной политической платформе, далеко не всегда очевидно просто в силу инерции и привычки к определенному порядку вещей. Однако представим на минуту, что политическая власть на планете принадлежала бы не Северу, а Югу. Естественно предположить, что в таком случае югоцентричный мир быстро бы обязал промышленно развитые страны платить экологическую ренту и переоценить значение невозполнимых природных ресурсов, произведя собственную "шокотерапию", эффект которой по-видимому значительно превзошел бы результаты нефтяного кризиса 70-х годов. Действительно, промышленная экономика наносит биосфере Земли серьезный ущерб, но пока практически не несет ответственности за него. Кстати, правомерно предположить, что подобная дополнительная нагрузка выявила бы практическую нерентабельность сложившейся на сегодняшний день формы производства, что в свою очередь привело бы к системным изменениям в конструкции мирового хозяйства
- ² Вот данные, характеризующие динамику этого расщепления в США, приводимые известным критиком современной финансовой системы Линдоном Ларушем: "За период 1956-1970 гг. из 100% годового оборота иностранной валюты ежегодно около 70% (с очень небольшими колебаниями по годам) приходилось на импорт и экспорт, то есть на финансирование и платежи по импортным и

экспортным счетам. После возникновения валютной системы с плавающими курсами... этот процент стал быстро падать, так что в 1976 г. из 100% годового оборота иностранной валюты в США на импортно-экспортные сделки приходилось всего 23% (вместо 70%). В 1982 г. ... данный показатель упал с 23% до 5%. В течение восьмидесяти годов он снизился с 5% до 2%. Сегодня же он – менее половины процента".

- ³ Приведу последние известные мне данные в этой области. Банк международных расчетов оценил объем производных финансовых инструментов в мире на конец 1997 г. в 103 трлн. долларов. На декабрьских (1998 г.) слушаниях в одном из комитетов американского Сената была дана оценка на конец 1998 г. – 150 трлн. долларов. Интересны также имеющиеся данные о совокупном объеме фактической мировой резервной валюты – американского доллара накануне его столкновения на глобальных просторах в евро. Так, за три осенних месяца 1998 г. Федеральной резервной системой США было напечатано 13,8 млрд. долларов, а общий объем наличных денег в обращении составил 457,9 млрд. На тот же момент показатель денежной массы M1 равнялся 1112,7 млрд., M2 – 4380,8 млрд. и M3 – 5940,1 млрд. долларов.
- ⁴ Горячий сторонник либеральных ценностей и в то же время фактический оппонент ряда неприглядных аспектов неолиберализма Ральф Дарендорф следующим образом формулирует принцип "экономического плюрализма": "Было бы неправильно предполагать, что... все мы движемся к одной конечной станции. Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как и культура языка или государственного устройства". (Р.Дарендорф. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998, с.86)
- ⁵ "До конца XX столетия концепция истории уходила корнями в европейскую модель государственной политики, определявшейся националистическими ценностями и символикой. Наступающая эпоха будет во все большей мере характеризоваться азиатской моделью государственной политики, базирующейся на экономических ценностях, которые предполагают в качестве основного принципа использование знаний для получения максимальной выгоды" (Ш.Перес. Новый Ближний Восток. М., 1994, с.188).